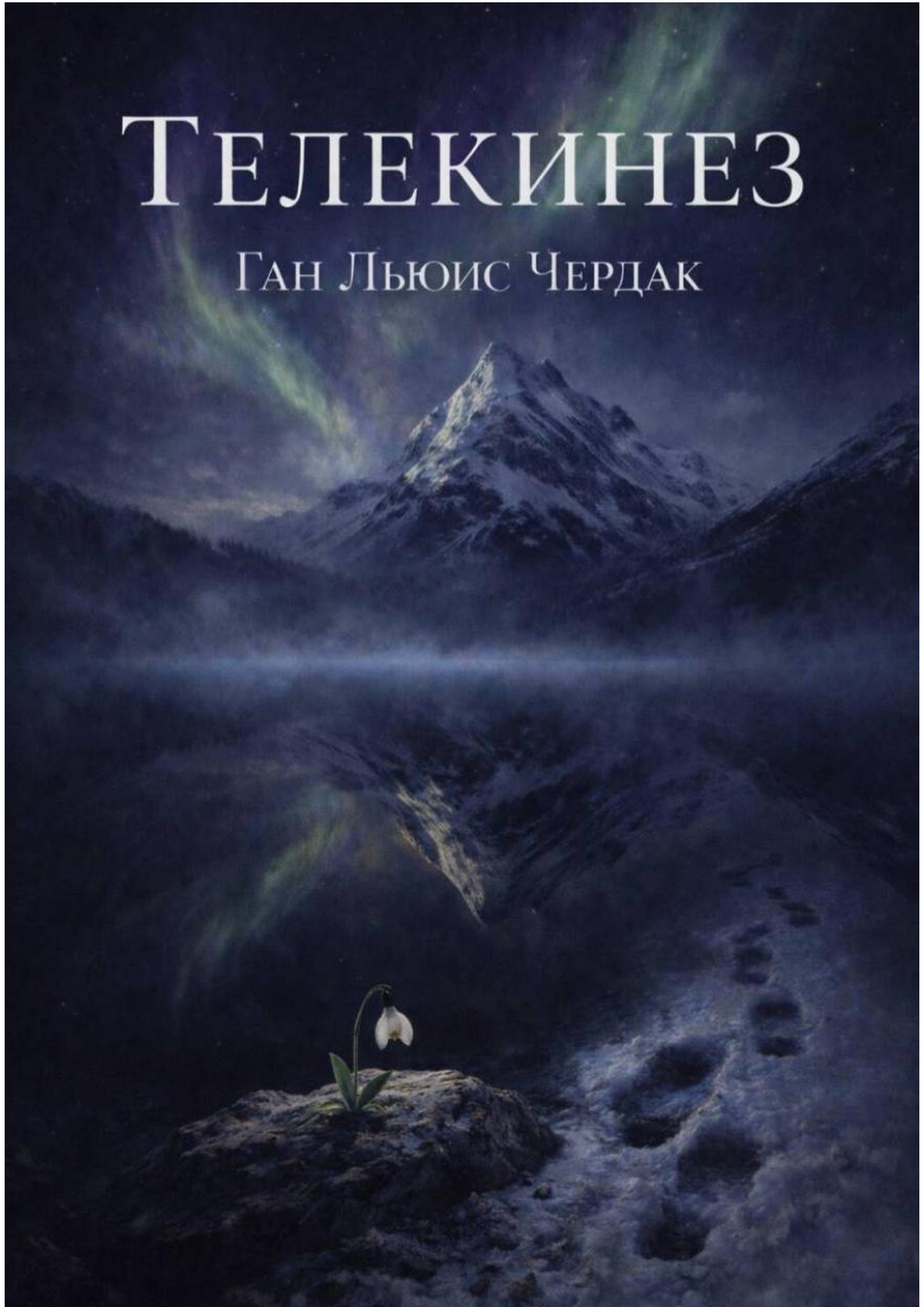


ТЕЛЕКИНЕЗ

ГАН ЛЬЮИС ЧЕРДАК



Ган Льюис Чердак

Телекинез

«Автор»

2026

Льюис Чердак Г.

Телекинез / Г. Льюис Чердак — «Автор», 2026

«Телекинез» - это глубокая, медитативная история о внутреннем преображении, разворачивающаяся на фоне суровых и величественных пейзажей Новой Зеландии. Элиан Грей, молодой человек, измождённый экзистенциальным кризисом и бесконечным шумом собственных мыслей, приходит к выводу, что жизнь - лишь бессмысленно красивая оболочка. Его решение уйти из мира принимает форму холодного, логичного финала - умереть не от отчаяния, а от отсутствия желания продолжать. Однако его путь к небытию неожиданно обрывается встречей с Харуто - молчаливым отшельником, живущим в полной гармонии с дикой природой. Без проповедей и наставлений, лишь через тишину, простой физический труд и безмолвное присутствие, старик становится проводником в иное состояние бытия. Элиан постепенно учится чувствовать не умом, а телом: тяжесть лопаты, холод земли, ритм дождя, вкус выращенного своими руками картофеля. Лабиринт его мыслей начинает рассеиваться, уступая место прямому, нефилтрованному восприятию мира.

© Льюис Чердак Г., 2026

© Автор, 2026

Ган Льюис Чердак

Телекинез

Телекинез

Глава 1: Лабиринт из бетона и мыслей

Утро начиналось не со света, а со звука. Не с рассвета, а с гула трамвая за окном, врезавшегося в тишину ночи, как тупой нож в податливую глину. Элиан Грей открыл глаза и увидел не мир, а потолок – белую, безличную плоскость, усеянную тенями от уличного фонаря. Тени дрожали. Он задержал взгляд на них, пытаясь уловить их ритм, но ритма не было. Был только хаотический трепет, словно сама материя сучала от собственного существования.

Он встал. Движения были механическими, отработанными до автоматизма: одежда, зубная щётка, вода. Вода была холодной. Она не освежала, а лишь констатировала факт: ты жив, твоя кожа чувствует холод, твои нервы передают сигнал. Беспольный сигнал. Он посмотрел в зеркало. Лицо смотрело назад. Знакомые черты, знакомый взгляд – не пустой, а переполненный. Переполненный до краёв немим гулом мысли.

Улицы Крайстчерча были мокрыми. Ночной дождь оставил после себя мир, отполированный до болезненного блеска. Асфальт отражал серое, ватное небо, разбивая его на тысячу маслянистых осколков. Стеклообразные фасады библиотек и учебных корпусов стояли, как холодные кристаллы, выращенные в пробирке абстрактной цивилизации. В них отражались облака, медленно плывущие в никуда. Элиан шёл, и его шаги отдавались в ушах глухими ударами. *Тук. Тук. Тук.* Звук сердца? Нет. Звук сапога по мокрому камню. Вот и вся метафизика.

Лекция по античной философии проходила в аудитории, залитой ровным, безжалостным светом люминесцентных ламп. Профессор говорил о Сократе, о вопросе «что есть благо?». Его голос был ровным, интеллигентным, полным убеждённости. Слова падали в воздух, как идеально отшлифованные бусины: «познай себя», «добродетель», «эвдемония». Элиан смотрел, как солнечный луч, пробившийся сквозь высокое окно, ложился на спинку впереди стоящего стула. В луче танцевала пыль. Мириады крошечных миров, рождённых, живших и умиравших в этом золотом столбе. *Вот оно благо*, подумал он. *Пыль в луче света. Красиво. Совершенно бессмысленно.*

Мысли начали накатывать, как всегда – не потоком, а толпой. Каждая толкалась, кричала, требовала внимания.

«Зачем он говорит о благе, если за окном эта пыль просто существует, не зная о себе?»

«Если красота – истина, то почему вид этих мокрых сосен за окном, таких идеально зелёных на фоне серого неба, вызывает только щемящую пустоту под рёбрами?»

«Свобода воли – это иллюзия выбора между чаем и кофе, когда пить не хочется вовсе.»

«Горы там, за городом. Говорят, они величественны. Но это просто камень. Большой, древний, безразличный камень. Что он может дать мне, кроме подтверждения моего ничтожного размера?»

«Морозная свежесть... ощущение жизни. Но это всего лишь реакция нервных окончаний на падение температуры. Биохимия. Красивая упаковка для химического процесса.»

Он попытался поймать одну мысль, проследить её до конца, но она тут же расплывалась, обрастала другими, цеплялась за третьи. Лабиринт. Лабиринт без центра, без Минотавра, без

нити Ариадны. Просто бесконечные коридоры, стены которых сложены из его собственных умозаключений. И он бродил по ним уже не первый год.

Обед в студенческой столовой. Шум голосов, смех, звон посуды. Он сидел с сокурсницей, Лорой. Она говорила о планах на лето – поход в национальный парк, фьорды, фотографии для инстаграма. Её глаза блестели искренним восторгом. «Ты только представь, Эли, этот воздух! Эти краски!»

Он кивал. Представлял. Представлял фьорды как геологические образования. Воздух как смесь газов. Краски как определённую длину волны света, попадающую на сетчатку глаза и интерпретируемую мозгом. *Она видит чудо. Я вижу схему. Где правда?* Его собственная мысль прозвучала в голове ледяным эхом. *А правды нет. Есть только восприятие. И моё восприятие – это заводь, где плавают обломки смыслов, и ни один не может удержать на себе вес.*

Вечером он стоял на мосту через реку Эйвон. Вода текла тёмная, медленная, унося с собой отражения огней города. Они колыхались, растягивались, рвались и снова сливались – прекрасный, бессмысленный танец. Свежий ветерок нес запах влажной травы и далёкого дыма. Это должно было быть прекрасно. *Это было* прекрасно. Он это знал. Интеллектуально констатировал: «Да, эстетически приятная композиция». Но за констатацией не следовало ничего. Ни тепла, ни радости, ни желания этим дышать. Была только оболочка. Иллюстрация к понятию «красота», вырванная из книги и подшитая в папку под названием «Опыт».

Он вернулся в свою комнату. Тишина здесь была иной – не наполненной, а выжженной. Тишина после бури, которая бушевала внутри черепа. Он сел на кровать. Взгляд упал на полку с книгами: Платон, Кант, Ницше, Шопенгауэр... Великие искатели смыслов. Каждый построил свою вселенную из слов. Каждая вселенная была гениальна, сложна, убедительна. И каждая была лишь ещё одной красивой картой, нарисованной на стенах той же тюрьмы. Карта – не территория. Философия – не жизнь. Это крик в пустоту, которому эхо придаёт форму глубокомыслия.

И тогда, в этой выжженной тишине комнаты, под холодным светом одинокой лампы, мысль пришла. Не как озарение, не как вспышка отчаяния. Она подошла тихо, спокойно, с невозмутимостью математического доказательства. Она прошла сквозь чашу всех предыдущих мыслей, рассеяла их, как туман, и встала в центре сознания – ясная, законченная, неопровержимая.

Жить не хочу.

Не «я несчастен». Не «мне больно». Не «я в депрессии». Просто – не хочу. Отсутствие желания продолжать этот процесс. Процесс потребления красоты, которая не питает. Процесс генерации мыслей, которые ведут в тупик. Процесс бытия в оболочке мира.

Цель – умереть.

Не как побег от страдания. Не как акт трусости. Как логический финал. Как единственный последовательный поступок в цепи, где каждое предыдущее звено – отрицание смысла следующего. Если жизнь – красивая, но пустая декорация, то выход из зала – наиболее разумное действие зрителя, который понял суть спектакля.

Это не трагедия, а освобождение.

От формы. От необходимости играть роль. От нескончаемого внутреннего диалога с самим собой. От тяжести этих мокрых улиц, этих умных слов, этих прекрасных, но безмолвных закатов.

Мысли, наконец, смолкли. Их бесконечный, изматывающий рой рассеялся перед этой одной, простой, железной истиной. Впервые за много лет в его сознании воцарилась тишина. Не мирная, не умиротворяющая. Абсолютная. Как в космосе. Холодная, чистая, безвоздушная.

Он подошёл к окну. Город сверкал внизу, узор из жёлтых и белых огней. Красивая оболочка. Он смотрел на неё без ненависти, без тоски. С лёгкостью учёного, положившего последний пазл в картину, которая оказалась изображением ничто.

Завтра он уйдёт. Не потому, что надеется что-то найти. А потому что хочет тишины не комнатной, а большой. Хочет, чтобы последнее, что он увидит, была не эта искусственная карта света, а что-то настоящее, пусть и бессмысленное. Горы. Поля. Что-то первичное.

Он лёг и закрыл глаза. Внутри была пустота, огромная и лёгкая. Решение было принято. Не сердцем, а всем существом. Это был не конец пути. Это было, наконец, чёткое определение его начала. Пути к точке, где движение прекратится, и тишина станет окончательной.

Глава 2: Оболочка красоты

Он вышел из города на рассвете, как будто выпал из его кармана. Сначала были окраины: низкие домики, спящие сады, лай собак за заборами. Потом асфальт стал уже, потом превратился в гравийку, потом и вовсе растворился в тропе, утоптанной в высокой траве. Крайстчерч остался позади – не мираж, а просто скопление геометрии, постепенно съживающееся на горизонте.

И открылся мир.

Сначала это были поля. Не пастбища, а именно поля – бескрайние просторы, заросшие золотистой травой, которая колыхалась под ветром единым, дышащим организмом. Каждая травинка была отлита из осеннего света. Они гнулись, и по ним пробегали волны, точно море из тёплой меди. Вдали, на западе, вставали горы. Южные Альпы. Они не возвышались – они *нависали*. Зазубренные пики прорывали слой утренней дымки и уходили в бездонную синеву, туда, где таял последний след ночи. Снежные шапки на их склонах сияли холодным, чистым розовым огнём, зажжённым солнцем, которого ещё не было видно в долине.

Это было потрясающе. Элиан остановился и смотрел. Его разум, отточенный на анализе, немедленно начал работу.

«Цветовая гамма: охра, умбра, сиена жжёная. Переходы тонов идеальны, как на полотнах мастеров Гудзоновской школы.»

«Композиция: первый план – динамичный, фактурный (трава), средний – стабилизирующий (холмы), задний – величественный, вертикальный (горы). Идеальное соблюдение правила третей.»

«Светотень: боковой свет подчёркивает текстуру, создаёт объём. Атмосферная перспектива работает безупречно.»

Он мог бы расписать этот пейзаж на десять страниц, используя термины из искусствоведения, геологии, метеорологии. Но за этим анализом не следовало ничего. Ничего, кроме тихого щелчка в пустоте: «Красиво».

Он пошёл дальше. Тропа вела его через холмы. Воздух был кристально чист, пахло полынью, мокрой землёй и чем-то невыразимо холодным – дыханием ледников, невидимых отсюда. Он прошёл мимо реки. Она не текла – она *нарушилась* вниз по каменистому ложу, взбивая пену цвета жидкого нефрита. Грохот воды заполнял собой всё пространство, физически давил на барабанные перепонки. Это была сила, древняя и слепая. Элиан смотрел, как водяная пыль висит в воздухе, образуя радуги на секунду, прежде чем рассыпаться. *Преломление света в каплях воды. Дисперсия. Физика.* Красиво.

День тянулся, измеряемый не часами, а нарастающей усталостью. Красота вокруг не убывала, она лишь меняла декорации. Золотые поля сменились чащами папоротников, гигантских, словно из каменноугольного периода. Их изумрудные перья отбрасывали густые, бархатные

тени. Потом был лес буков, где стволы, обёрнутые мхом, стояли, как колонны заброшенного храма. Сверху, сквозь переплетение ветвей, пробивался рассеянный свет, ложась на ковёр из рыжей листвы пятнами жидкого золота.

Но чем величественнее становилась картина, тем глубже Элиан погружался в свою раковину. Его тело отзывалось на путь болью в мышцах, лёгким дрожанием в коленях. Холод, сначала лишь оттенок в воздухе, начал просачиваться сквозь куртку. Он сел на валун, покрытый лишайником цвета ржавчины, и достал бутерброд. Ел механически, глядя на долину, раскинувшуюся внизу.

Именно тогда он осознал это с полной ясностью. Он смотрел на один из самых совершенных пейзажей на Земле – и не чувствовал **ничего**. Ни благоговения, ни покоя, ни причастности. Это была оболочка. Безупречная, грандиозная, бессмысленная оболочка. Как витрина дорогого магазина, за стеклом которой выставлены шедевры, но сам магазин закрыт. Навсегда.

Звуки только подчёркивали это. Крик какой-то невидимой птицы – пронзительный, одинокий – не звал, не пел. Он просто констатировал пространство. Шум ветра в кронах – не убаюкивающий шёпот, а просто акустический эффект трения хвои о воздух. Даже собственное дыхание казалось ему посторонним звуком, работой биологического аппарата.

Он вспомнил разговор с Лорой. *«Ты только представь, этот воздух!»* Он дышал этим воздухом. Он был чист, холоден, пахуч. И абсолютно бесполезен для него. Он не наполнял лёгкие жизнью, а лишь охлаждал их изнутри.

Теория подтверждалась с безжалостной точностью. Мир был именно таким, каким он его понимал: невероятно красивой декорацией, лишённой внутреннего содержания. Горы не были символом вечности. Они были скоплением минералов. Река не была метафорой времени. Она была объёмом H₂O, движущимся под действием гравитации. Закат, который начал разливаться по небу на востоке, заливая его сиренью и огнём, не был ни романтичным, ни печальным. Это был результат рассеяния Рэлея.

Красота была не дверью, а стеной. Самой изумительной, самой сложной стеной, которую можно представить. Но за ней не было комнаты.

Он встал, отряхнулся. Холод стал острее, проникая под одежду, цепляясь за кости. Усталость тяжёлым грузом лежала на плечах. Он посмотрел на тропу, уходящую в сумерки, к подножию темнеющих гор. Туда, где уже синела тень и мерцала одинокая точка – вода какого-то озера.

Он не искал утешения. Он не ждал откровения. Он шёл к этой точке потому, что она была логическим продолжением пути. Местом, где картина будет завершена, где можно будет сесть и перестать смотреть на оболочку. Перестать вообще.

Последний луч солнца, скрывшегося за гребнем, выхватил из темноты вершину самой дальней горы, превратив её в раскалённый уголёк. На секунду. Потом погас.

Тишина, наступившая после этого, была всеобъемлющей. Не мирной, а пустой. Как в выставочном зале после ухода последнего посетителя. Остались только экспонаты непостижимой красоты, которые больше никому было видеть.

Элиан закутался в куртку и зашагал навстречу сгущающейся синеве ночи. Внутри него та же пустота резонировала с пустотой мира, отвечая ей беззвучным, полным согласием.

Глава 3: Холод у подножия

Путь к озеру был не дорогой, а капитуляцией. Ноги двигались сами, не слушаясь воли, лишь по инерции ставя одну перед другой. Элиан спускался в чашу долины, где воздух густел и остывал, как металл, залитый в форму. Каждый вдох обжигал лёгкие. Он сбился с тропы час назад; теперь его вели вниз лишь склон и слабеющий свет.

Когда он вышел к воде, сумерки уже не были переходным состоянием. Это был окончательный приговор дню. Небо на западе, над зубцами гор, ещё хранило полосу тлеющего угля и холодной сирени. Но над озером и в лесу на восточном берегу царил синяя, густая ночь.

Озеро лежало перед ним, огромное и совершенно неподвижное. Это была не вода, а чёрная полированная плита, в которую вдавили всё угасающее небо. Полоса заката, островки первых звёзд – всё это тонуло в его глухой, бездонной поверхности, не отражаясь, а поглощаясь. Края озера терялись в каменистом хаосе осыпей и редких, низкорослых сосен, согнутых постоянным ветром. Тишина здесь была абсолютной и тяжёлой, как давление на дне моря. Не слышно было ни птиц, ни ветра. Только собственное сердцебиение в ушах – глухой, надоедливый метроном.

Холод перестал быть ощущением. Он стал средой. Он просачивался сквозь подошвы ботинок, впивался в пальцы, сверлил виски. Элиан остановился, глядя на чёрное зеркало. Это было место. Конец карты. Логичная точка. Здесь прекращались и красота, и путь. Оставалось только сесть и позволить холоду завершить свою работу. Мысль об этом была спокойной, почти уютной.

Именно тогда он заметил фигуру.

Сначала он принял её за скалу – ещё один тёмный, угловатый выступ на фоне чуть менее тёмного склона. Но что-то было не так в её очертаниях. Не геометрия, а... покой. Абсолютная, несвойственная камню неподвижность.

Элиан присмотрелся. Сумерки обманывали, но постепенно форма проявилась: спина, чуть согнутая, но не сгорбленная; широкие плечи; голова, покоящаяся на них, как валун на уступе. И борода. Длинная, седая, почти светящаяся в синем мраке, спадающая на колени. Старик. Он сидел на плоском камне у самой кромки воды, в позе такой глубокой и древней прислушивающейся тишины, что казалось, он прорастал корнями сквозь камень в мерзлую землю.

Он не смотрел на озеро. Не смотрел на горы. Его взгляд был обращён внутрь, в никуда, или вовне – в то, что было за гранью видимого. Он был не наблюдателем пейзажа. Он был его *органом*. Часть тишины, частью холода, частью камня.

Элиан замер. Он не испугался, не удивился. Присутствие старика не нарушало безмолвия, а углубляло его, придавало ему форму и плотность. В странной отрешённости этого момента ему показалось, что он видит не человека, а саму долину в её сгущённом, олицетворённом виде.

И тогда старик повернул голову.

Движение было не резким, а плавным, как поворачивается планета. Не было суеты, нетерпения, даже простого любопытства. Было лишь медленное, осознанное смещение внимания.

Их взгляды встретились через синеву сумерек.

Глаза старика нельзя было разглядеть на таком расстоянии, но Элиан *почувствовал* их. Не оценивающие, не вопрошающие. Просто констатирующие. Как будто старик увидел не заблудшего путника, а ещё один природный объект – дерево, камень, уставшего зверя, пришедшего к воде. В этом взгляде не было ни жалости, ни осуждения. Не было вообще ничего человеческого в привычном смысле. Только чистое, незамутнённое восприятие.

Прошло несколько ударов сердца, отмеренных тем глухим метрономом в ушах. Потом старик, не отводя взгляда, сделал едва заметное движение подбородком. Не к себе. Не в сторону. А чуть вправо, вверх, вдоль склона.

Элиан посмотрел туда. Сначала он увидел только тёмную массу леса. Потом различил – едва-едва – тусклый, тёплый отсвет, затерянный среди стволов. Не электрический свет, а дрожащий, живой: свет огня, пробивающийся сквозь маленькое окно. Хижина.

Жест старика не был приглашением. Он не манил рукой, не улыбался. Это было просто указание на факт, как гидролог указал бы на родник. *Вот вода. Пей, если хочешь.* Вот кров. Иди, если нужно.

И снова – ни ожидания, ни давления. Старик уже медленно возвращал свой взгляд к тому внутреннему горизонту, на котором он пребывал. Его фигура снова начала сливаться со скалой, растворяться в надвигающейся ночи. Его роль была исполнена. Он показал.

Элиан стоял. Инстинкт выживания, та самая биология, которую он презирал, уже заставила его тело содрогнуться от холода. Мысль о четырёх стенах, о любом источнике тепла, пусть иллюзорном, ударила в мозг, как укол адреналина. Это не была надежда. Это был животный импульс, глубже, чем любая философия. Импульс оттянуть конец ещё на несколько часов.

Без единой мысли, подчиняясь лишь этому глухому позыву в крови, он оторвал взгляд от неподвижного старца и шагнул в сторону дрожащего огонька. Он не обернулся. Он знал, что там, у камня, ничего не изменилось. Что старик продолжает сидеть, вросший в мир, часть тишины, в которую Элиан так и не сумел войти, а лишь прошёл мимо, направляясь к временному, жалкому теплу.

Глава 4: Дом без дверей

Хижина оказалась не строением, а продолжением леса. Низкая, сложенная из тёмных, поросших мхом бревен, с крышей из дерна, на которой уже пробивалась осенняя трава. Она будто выросла здесь – большой, тёплый гриб у подножия скалы. Дверь была дощатой, грубо сколоченной, и стояла приоткрытой, как бы говоря: преграды нет. Только тяжёлая, вытертая до блеска деревянная щеколда висела сбоку, но не была задвинута.

Элиан постучал костяшками пальцев по косяку. Звук был поглощён мгновенно. В ответ – лишь тишина и треск поленьев изнутри.

Он толкнул дверь. Она отворилась без скрипа, плавно, на тяжёлых кожаных петлях.

Тепло ударило в лицо первой, осязаемой волной. Не просто отсутствие холода, а плотная, почти осязаемая субстанция, пропитанная запахами. Пахло вековой древесиной, смолой, сушёными травами (что-то горьковато-пряное, вроде полыни и чабреца), и глубинным, укоренившимся запахом дыма. Дым здесь не был случайным гостем; он был хозяином, впитавшимся в каждое брёвнышко, в каждую соломинку на полу.

Хижина состояла из одной комнаты. Очаг – не камин, а сложенное из камней углубление в земляном полу с дымоходом из глины – горел в центре. Пламя было неярким, ровным, питаемым толстыми углями и одним большим поленом. Его свет прыгал по стенам, оживляя тени полок, заставленных глиняными мисками, плетёными корзинами, немногими книгами в потёртых переплётах. Были там и инструменты: серп с изогнутым лезвием, похожим на молодой месяц, две-три аккуратно сложенные пилы, топор с идеально отполированной рукоятью.

Старик, Харуто, уже был внутри. Он сидел на низкой скамье по другую сторону очага, чистил небольшой корнеплод длинным, тонким ножом. Движения его рук были бесконечно экономичны: плавный поворот овоща, один точный срез кожицы, падающей в огонь с тихим шипением. Он не поднял глаз, когда Элиан вошёл.

Элиан замер на пороге, чувствуя себя незванным гостем в чужом, слишком целостном ритуале. Но через мгновение старик, не глядя, кивнул свободной рукой на пустое место на грубой шкуре, расстеленной у огня. Не приглашая. Просто констатируя: место есть.

Элиан скинул промокший рюкзак, с трудом разогнулся и сел. Тепло от камней пола и огня начало просачиваться в него медленно, болезненно, вызывая дрожь в заочневших мышцах. Он сидел и смотрел, как Харуто заканчивает чистить корень, режет его на одинаковые ломтики и опускает в черный, закопчённый котелок, висящий на треноге над углями. От котелка пошёл новый запах – земляной, сладковатый, простой.

Ни слова. Только звуки: шипение влаги на раскалённом камне очага, мягкий стук ножа о деревянную доску, далёкий вой ветра за стенами, который теперь казался не угрозой, а просто ещё одним элементом фона.

Через некоторое время Харуто протянул ему деревянную чашку. Внутри был не чай, а просто горячая вода, чуть окрашенная парой жёлтых цветков, плавающих на поверхности. Элиан взял чашку. Тепло обожгло ладони, приятной, почти невыносимой болью. Он сделал глоток. Вода была мягкой, с едва уловимым вкусом мёда и чего-то цветочного, что он не мог определить. Это не было угощением. Это было топливо.

Потом был кусок хлеба. Тёмного, плотного, тяжёлого, с хрустящей коркой. Его не подали на тарелке. Просто положили на чистый, плоский камень рядом с ним. Элиан ел медленно, и каждый кусок, простая мука и вода, преобразованная огнём, казался самым значительным актом в его жизни. Он не чувствовал благодарности. Чувствовал только биологическую машину, получающую ресурсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.